Александр Сергеевич Пушкин

Когда у американских подростков спросили, кого из русских писателей они знают, те ответили: «Был у вас один негр, здорово стихи писал». Знаете, о ком они? О Пушкине! (Представляете, перед нашим Пушкиным, отправься он тогда в Штаты, захлопнулись бы все двери, потому что он был «цветной»!) Да, в нём текла жаркая африканская кровь: прадед его был тот самый «арап Петра Великого», абиссинский мальчик, подаренный царю и ставший впоследствии генерал-аншефом Абрамом Петровичем Ганнибалом.

О своём «счастливом детстве» Пушкин никогда не вспоминал, это странно, ведь для дворянского ребёнка детство - это целый мир, очень значимый, вот как для Толстого или Аксакова. Пушкин же был человек без детства.

Его не любили. Да, да, не любили родители. Он не был «маленьким ангелочком». Он был неуклюжим. Это потом, в Лицее, он будет лучше всех прыгать через стулья и получит прозвище Егоза.

Он грыз ногти. Это потом он отрастит их длинными и красивыми, а грызть будет гусиные перья, которыми тогда писали.

Он терял носовые платки. И мать пришпиливала очередной платок ему на грудь, чтобы все видели - такой большой мальчик не умеет пользоваться носовым платком. В общем, чтобы обидеть.

Он даже имя своё детское терпеть не мог, потому что Саша, Сашка называли его родители, и с лицейских лет представлялся только Александром.

И так без конца.

Его любила только няня Арина Родионовна. Она любила его самой верной русской любовью - любовью жалости. Пушкин никогда не писал стихов о матери, зато няне посвятил нежнейшие строчки и про «голубку дряхлую», и про «подругу дней суровых», и про «мамушку»... Кстати сказать, сам Пушкин вовсе не был лишён родственных чувств. Когда он стал взрослым, заботился о своих родителях, самоотверженно помогал сестре и брату.

Из людей без детства вырастают, как правило, озлобленные, угрюмые взрослые, потому что таким людям не дано узнать, что добро, сочувствие и понимание – норма, а зло и одиночество – уродливое от неё уклонение. Думать не хочется, что стало бы с Александром Пушкиным и кем бы он стал, если бы, вычеркнув детство из своей жизни, он ничего бы не получил взамен. Но судьба была благосклонна и к нему, и к нам, и к русской литературе. На двенадцатом году жизни Пушкин поступил в Царскосельский Лицей. И в дальнейшем, когда он хотел оглянуться на начало своей жизни, он неизменно вспоминал только Лицей.

Что же было в этом самом Лицее такого, что по прошествии почти двухсот лет мы отмечаем дату 19 октября как день Лицея? Тридцать мальчишек в течение семи лет жили, учились, шалили, влюблялись...Мало ли закрытых учебных заведений было в России до и после?! И здесь было всякое: прозвища друг другу давали. Так Пушкин, кроме Егозы, был Помесь обезьяны с тиграми - за вспыльчивость, и Француз - за великолепный французский; Горчаков – Франт; Пущин – Большой Жанно; Тырков – Кирпичный брус... Однажды тайком попойку устроили. Пущин, Малиновский и Пушкин, раздобыв рому, яиц и сахару сварили «гогель-могель», и, естественно, перебрали... Дежурный гувернёр заметил взвинченность и шумливость подопечных, началось разбирательство. Тогда вся троица явилась к начальству и объявила, что это их рук дело и они одни виноваты.

Дело дошло до министра, последовало наказание: 1) две недели стоять на коленях во время утренней молитвы; 2) сместить всех троих на последнее место за столом (за обеденным столом лицеисты сидели «по номерам» в зависимости от успехов в учении и поведении») и 3) занести фамилии виноватых в черную книгу, которая должна иметь значение при выпуске...

Первое наказание было исполнено буквально, второе смягчено – всех троих постепенно стали продвигать вперёд, а третье вообще было исправлено – порочащую запись из чёрной книги убрали...

Ну и что, скажете вы? А то, что в Лицее в отличие от других учебных заведений не было телесных наказаний и среди лицеистов поощрялся дух чести и товарищества;

преподавали в Лицее в основном люди молодые, их педагогические взгляды отличали гуманность, внимание и уважение к личности учащихся; наконец, это был первый выпуск, предмет особого внимания и любви – всё это создавало ту неповторимую, особую атмосферу, тот самый «лицейский дух». Он позволил воспитать тридцать по-настоящему свободных людей, свободных от подлости, раболепия, свободных для великих дел... И среди них Александр Пушкин, один из немногих людей в России послушный только «веленью Божию». Именно этот «дух» так старательно потом из Лицея вытравлялся Николаем I, в чём последний и преуспел: свобода после Пушкина могла быть только тайной, помните, у Блока: «Пушкин! Тайную свободу пели мы вослед тебе!»

Но это будет потом. Пока же Александр Пушкин учится. Программа в Лицее была обширной: русский, французский, немецкий, латинский; словесность и риторика, история, география, танцы и фехтование, верховая езда и плавание; математика... По словам Пущина, однажды в математическом классе профессор Карцев вызвал Пушкина решать задачу. Пушкин молча долго переминался с ноги на ногу, писал какие-то формулы. Карцев спросил его наконец: «Что же вышло? Чему равняется икс?» Пушкин, улыбаясь, ответил: нулю! «Хорошо! У Вас, Пушкин, в моём классе всё кончается нулём. Садитесь на своё место и пишите стихи!» Стихи писали в Лицее многие, чтобы не сказать, все за редким исключением. Даже ленивый Дельвиг - «Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! Дельвиг пишет стихи!» Пальма первенства в стихосложении среди лицеистов принадлежала вовсе не Пушкину, а Илличевскому, писавшему удивительно легко и складно, милые стишки подобного рода могут показаться поэзией... Пушкин уже тогда так не писал. К тринадцати годам вокруг него сформировался дружеский круг, чьим мнением он дорожил. С этого момента он почувствовал себя Поэтом. В его кругу Поэзия была ответом на все, что происходило в мире, она была Делом, оправданием существования и обещанием бессмертия. Бессмертие – единственный критерий качества Поэзии ...

Ему было шестнадцать лет, когда Державин рукоположил его в поэты. Вот как это произошло: «Наконец

вызвали меня. Я прочёл мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошёл я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом…

Не помню, как я закончил своё чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел обнять меня… Меня искал, но не нашли…»

Но, как писал юный Дельвиг юному же Пушкину в 1815 году: «Пушкин! Он и в лесах не укроется, Лира выдаст его громким пением…» Действительно, не укрылся. Ни от чего. Ни от тернового венца, ни от бессмертия.

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь